

*Б.А. Азнабаев***Статус пленных в башкирских общинах XVII в.***B.A. Aznabaev***Prisoner's Status in the Bashkir Communities at the XVIIth Century**

Сложилось мнение, что для башкир захват военнопленных являлся главным источником получения рабов. На основании анализа документов Посольского приказа утверждается, что пленные либо инкорпорировались в структуру башкирских родов, либо использовались башкирами для обмена родственниками.

Ключевые слова: ясырь, башкиры, калмыки, Посольский приказ, инкорпорация, экзогамия, туснаки.

Имеющиеся в литературе объяснения положения пленнх для башкирского общества XVII в. страдают определенным схематизмом. Традиционно военнопленных (ясырей) принято помещать в группу зависимого и бесправного населения, между туснаками и байгушами. Историки и этнографы считают излишним выяснять прежнее социальное или этническое происхождение пленнх. К примеру, С.И. Руденко резюмирует, что добыча ясыря являлась основным способом получения рабов. В ходе регулярных набегов на соседние племена или народы захватывали в плен чужеродцев, которые и становились рабами [1, с. 123]. Молодой исследователь Ю.М. Юсупов, соглашаясь с данным тезисом Руденко, ссылается на историческое предание «Последний из Сартаева рода», в котором упоминается ясырь из джунгар, который пас скот у Джалык бия [2, с. 65]. Однако следует отметить, что отношения, описанные в этом памятнике, выглядят несколько сложнее. Герой предания Джалык-бий повествует так: «Стада мои паслись под надзором одного главного кыту-си, которого я поставил башлыком над остальными. Он был из народа джунгар и мог хорошо видеть ночью, потому что не клал в шурпу соль. Он был взят мною в ясырь. Он попробовал бежать – я поймал его. Я прибил его ухо к деревянной колоде, из которой поят лошадей. Я сделал его своим рабом» [3, с. 172]. Таким образом, захваченный в плен джунгар становится рабом только после неудачной попытки бегства. Подобный итог вполне соответствует традиционным представлениям не только башкир, но и всех кочевников. В монгольских степях откочевка даже свободного арата от своего правителя приравнивалась к измене и каралась смертной казнью [4,

There is an opinion that capture of prisoners was the main source to obtain slaves for Bashkirs. Basing on analysis of Posolsky Prikaz Records this article states that the captives were incorporated into Bashkir tribes or were used for the exchange of relatives.

Key words: Yasyr, Bashkirs, Kalmyks, Posolsky Prikaz, incorporation, exogamia, Tusnaks.

с. 129]. Напротив, в случае же лояльного поведения и проявления верности к своей новой общине бывшие военнопленные имели возможность подняться выше прежнего своего статуса в калмыцких улусах. Нередко вчерашний ясырь становился тарханом, или дворянином. Тархан Ногайской дороги Минской волости Апай Корсаков (бывший пленный калмык) в своей челобитной в 1705 г. рассказал, что «...ево де в Калмыках преже той шатости тое жь Ногайской дороги Бурзянской волости Башкирец Утека полонил, отцу ж ево имя не знает, и отдал ево Минской волости башкирцу Карсаке Бюлякову за калым, и в то де число он, Карсака, изменя нам, Великому Государю, отъезжал в Калмыки и з детьми своими, и в Калмыках де отец ево родной и родственники ево взяли, били и мучили истращали, чтоб от них на Уфу в Уфимской уезд не збежал, и он де у отца своего жить в Калмыках не похотел, и вышел на наше Великого Государя имя в город на Уфу при Федоре Сомове тому де ныне лет с тридцать, и с того де числа велено ему жить поволно, где он похочет, а не в холопях, и жил де он поволно у него Карсаки с того числа, а не в холопях, и он Карсака ево Апачка держал вместо сына своего родного, и женил, и жена наделил, и наделя отпустил, а он де Апачко имел ево Карсаку вместо отца своего родного, а пишитца ево Карсаевым сыном» [5, с. 148]. Более того, даже в среде уфимских служилых иноземцев и дворян встречались бывшие пленные калмыки. В 1654 г. уфимский полоцкий шляхтич Леонтий Курчеев жаловался в Приказ Казанского дворца на то, «в убылой иноземский оклад его дяди поверстан калмык, бывший дворовой человек его отца Карпа Курчеева, в то время как ему Леонтию в окладе отказано»

[6, л. 53]. В 1690 г. был верстан в иноземский список Уфы из посадских людей Терентий Рукавишников. А в 1696 г. «калмычнину Терентию Рукавишникову для его иноземства и за многие его службы великого государя жалование против прежнего его оклады денежного и за хлеб деньги нынешнего 1696 года выдать ему вперед давать по вся годы» [7, л. 566]

Таким образом, утверждение о тождестве положения раба и ясыря представляется по меньшей мере не совсем корректным. Как правило, статус военнопленного (ясыря) имел временный характер. Будущая судьба военнопленного во многом зависела и от конкретной военной ситуации и не в последнюю очередь от него самого.

Материалы Посольского и Печатного приказов свидетельствуют о том, что наибольшее число пленных у башкир в XVII в. составляли калмыки. Башкиро-калмыцкая война, начавшаяся в начале 20-х гг. XVII в., длилась почти столетие почти без масштабных встречных сражений. Обе стороны предпочитали совершать быстротечные набеги с целью захвата скота и пленных. Калмыцкий (джунгарский) ясырь, по-видимому, являлся настолько типичной фигурой, что его образ был взят в качестве персонажа в народном предании. Среди документов Печатного приказа XVII в. отмечено большое число башкирских коллективных челобитных, где упоминаются только калмыцкие военнопленные.

Каков был статус калмыцких пленных в башкирских волостях? В наказах уфимским посольским головам, отправлявшимся в калмыцкие улусы, традиционно указывалось на необходимость размена или выкупа российских пленных. Башкиры также смотрели на пленных калмыков прежде всего как средство для обмена захваченных родственников. В 1645 г. башкир Минской волости Конкас Давлетбаев, в ответ на требование воеводы представить в Уфу всех пленных калмыков, пояснил: «...есть де у них калмацкий взятый язык, а не везут его в город Уфу, потому что ждут де оне калмацких послов и он де его хочет им калмыкам отдать на откуп им свою братею на башкирцев взамен» [8, л. 187]. В 1649 г. уфимские власти даже попытались создать в Уфе своего рода центр по сбору калмыцких пленных для последующего обмена на российских подданных. Из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе было указано, что все без исключения жители Уфимского уезда «...тот калмыцкий полон приводили в Уфу приведут и ты велел тот калмацкий полон переписать и велел их держать в разменных тем же людям у себя до того, как Дайчин тайша посланцев своих и полон русский и башкирский и татарской из улусов своих на Уфу пришлет и ты бы тех калмацких людей велел поставить в уфимского уезду» [8, л. 176].

В ряде случаев уфимская администрация допускала приобретение частными лицами пленных калмыков

специально для обмена своих родственников. В 1644 г. Акману Байчурину было разрешено в Уфе купить из числа «пленных калмыцких женок для обмена жены своей» [9, л. 334]. По-видимому, подразумевались пленные, находящиеся при Уфимской приказной избе. В том же году башкиру Арикю Ахмаметеву напротив выданы из уфимской казны деньги за калмычку Нагасу [9, л. 45].

Интенсивность подобных обменных операций резко возрастала после военных столкновений, когда крупные потери пленными несли обе стороны. Только в 1645 г. согласно сведениям уфимского воеводы Петра Пожарского «...многие де Ногайской дороги разных волостей и деревень Уфимского уезду башкирцы калмыцкий полон калмыков выдали на откуп без твоего государеву указу самовольством человек ста и больше» [8, л. 125]. В 1646 г. в Уфимский уезд приехал для переговоров один из близких к Дайчину Чокула колмак «с воинскими людьми с ним человек с 500». Он обратится к уфимскому воеводе с просьбой обменять 10 человек русских пленных (среди которых были и дворяне) на свою жену, которую захватили башкиры. Воевода Петр Пожарский через уфимского толмача Василия Киржацкого установил, что башкиры «разных волостей без твоего государеву указу не бив тебе челом в съезжей избе и не являя калмыцкий полон калмыкам продавали и на калмыцких лошадей меняли и на товар» [8, л. 165]. Таким образом, калмыки и башкиры использовали пленных и в торговых целях. В 1650 г. за уфимских пушкарей, стрельцов и башкир, уфимская администрация заплатила калмыцким послам от 10 до 20 лошадей за человека [10, л. 64–65]. При этом после денежной реформы 60-х гг. конские торги в Уфе оказались под угрозой полного прекращения, поскольку калмыки после 1664 г. не хотели продавать лошадей дешевле 20 руб. за голову, отказываясь брать медные деньги [11, л. 113]. При этом еще в 50-е гг. калмыки охотно сбывали своих лошадей в Уфе по цене от 2 до 5 руб. [8, л. 122]. Башкиры, в свою очередь, в отношениях с калмыками исходили из паритета: один пленный – 10–15 лошадей. Таким образом, при переводе на деньги сумма выкупа за одного пленного могла колебаться от 50 до 100 руб. С 60-х гг. XVII в. эта цена возросла до 150–200 руб. Деньги колоссальные для XVII в., если учесть, что средняя величина выкупа русских пленных по Соборному уложению составляла от 40 руб. за московских стрельцов, а за городских и посадских людей по 25 руб. [12, с. 89]. В 40-е гг. XVII в. на Дону у казаков цены на мусульманский ясырь достигали 40 руб. за человека [13, с. 55]. Таким образом, конъюнктура цен на ясырь не была стабильной. Она зависела как от военной ситуации в крае, так и от денежной политики Русского государства, но наблюдался устойчивый рост цен.

Наибольшее число калмыцких пленных было захвачено башкирами в результате совместного похода

с казанскими и уфимскими служилыми людьми под руководством Льва Плещеева в 1644 г. Второе значительное столкновение произошло в 1649 г., когда башкиры без помощи служилых людей Уфы разбили отряд Турали тархана около Соловарного городка. Тогда 560 чел. объединенного башкирского войска полностью уничтожило пятисотенный отряд калмыков, взяв в плен 36 чел. Примечательно то, что по требованию уфимского воеводы Христофора Рыльского башкиры привели в Уфу только 12 калмыков, а «в остальных же башкиры мне, холопу твоему, тарханы и башкирцы отказали, а сказали которые де языки годные тебе великому государю тех на Уфу и привели, а остальные разделили меж собой и развели по своим волостям» [8, л. 22]. Эта коллизия бросает свет на проблему правового статуса пленных калмыков, захваченных башкирами в ходе военных действий. Согласно существующему законодательству военнопленные вполне могли быть собственностью частных лиц, за исключением представителей некоторых привилегированных сословий. Например, русских дворян в Польше и шляхту в России не держали в тюрьмах и не заковывали в кандалы, они не могли быть пленными частных лиц, считаясь государственными пленными [14, с. 16].

Как относилась российская администрация к факту наличия военнопленных у башкирского населения? В указанном фрагменте башкирами было заявлено, что в Уфу были предоставлены «годные великому государю языки». Уфимская администрация настаивала на передаче всех пленных, стремясь полностью взять на себя компетенцию по размену и выкупу. Именно для этого был устроен двор для калмыцких ясырей в крепости. Очевидно, что российские власти полагали, что обмен пленными должен производиться только в рамках дипломатических отношений. Башкиры же, в качестве российских подданных, не имели права самостоятельно вступать в подобные соглашения. Вступать в переговоры с иностранцами, т.е. заниматься дипломатией, на это имели право только уфимские власти. Однако башкиры заявили Рыльскому о своем праве на владение всеми пленными, за исключением тех, кто представляет интерес правительству в качестве источника информации.

Как распределяли военнопленных внутри башкирских родов? Судя по челобитным башкир, раздел военной добычи не обходился без ссор. При этом башкиры считали, что все конфликты, возникающие внутри башкирских общин на почве дележа ясыря, должны разрешаться только царем. В этом отношении весьма показательна коллективная челобитная 1645 г., поданная башкирами Таныбаем Аксакановым с товарищами на тархана Бильбудая Колебаева. По жалобе башкир выясняется, что этот тархан несправедливо присвоил захваченных пленными и лошадей [9, л. 334]. Таким образом, тарханы осуществляли раздел военной добычи, однако, судя по предмету данной

челобитной, право это было не безграничным. Вместе с тем в исторической литературе утвердилось мнение, согласно которому, тарханы обладали приоритетным правом на военную добычу. По словам В.Н. Татищева, тарханское звание приравнивалось к мурзинскому, вместе с тем тарханы освобождались от налогов, а кроме того, им «отпускались 9 вин», за исключением измены [15, с. 129]. Татищев не конкретизирует все привилегии башкирских тархан, но упоминание о 9 винах, за исключением измены, полностью совпадает с указанием на дарханные привилегии у монголов времен Чингисхана. Эти права означали освобождение от взысканий за 9 проступков, право непосредственного обращения к владыке, право брать себе военную и охотничью добычу, не отдавая доли хану [16, с. 83]. Таким образом, башкиры оспаривали у тархана Бильбудая Колебаева неограниченное право на военные трофеи, апеллируя при этом к Алексею Михайловичу. По-видимому, в лице российского монарха башкиры видели правопреемника власти монгольских ханов, которые обладали исключительным правом жаловать тарханское звание. Русские цари начиная с Ивана IV активно пользовались этой привилегией в отношении башкирской знати. Протест простых общинников против приоритета тархана в дележе ясыря был отголоском давнего конфликта между традиционными общинными традициями и монгольскими имперскими порядками. Отчасти этот конфликт проецируется в организации облавной охоты у башкир. В охоте гоним, представлявшей модель войны у древних тюрков и монголов, вся добыча делилась поровну среди всех участников. Как отмечает Р.Г. Кузеев, сама традиция такой охоты у башкир и обычаи равного раздела добычи восходят к истокам тюрко-монгольской истории в Центральной Азии [17, с. 492]. Преимущественное право тархан в разделе добычи утвердил Чингисхан.

Право на владение пленными калмыками было сопряжено с фактом существования у башкир собственной военной организации (племенного ополчения), которая находилась в условном подчинении российских властей. Интересно то, что признавая наличие у башкир пленных де-факто, правительство запретило покупать калмыцкий ясырь в Уфимском уезде для вывоза в центральные уезды страны. В наказе по управлению Казанским уездом за 1649 г. воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову специально отмечено, чтобы «астраханские и терские станичники и уфимские дети боярские и воеводские и всяких чинов торговые люди татарского и башкирского ясырю не вывозили... а расспросив и записав ногайский и башкирский ясырь у кого что объявится велети у них имать на государя и отдавать кормить до государева указу посадским людям» [18, с. 307].

До конца 50-х гг. XVII в. российская администрация, вполне осознавая последствия, не настаивала на передаче башкирами всех калмыцких пленными

уфимским властям. В 30–50-е гг. XVII в. башкирские тарханы, организуя набеги на калмыцкие улусы, не считали нужным сообщать уфимскому воеводе о своих намерениях. Власти узнавали о башкиро-калмыцких столкновениях и захвате пленных только во время переговоров, в ходе которых калмыцкие тайши все чаще начинают жаловаться на необузданность башкир. В 1644 г. в ходе переговоров с уфимским дворянином И. Черниковым-Онучиным тайша Дайчин признался, что под Казань и Астрахань он посылает свои войска, потому что «тех городов ни от кого ничем не опасен. А опасен я только от башкирцев, кои чинят мне шкodu великую, на улусы мои приходят войной и людей моих побивают и в полон емлют. И мне самому от них не оберегаться» [19, л. 12]. Калмыцкий правитель рассказал о неудачном завершении последних походов на башкир: «...а коли мы на них башкирцев хаживали, и мы де с потеркой к себе прихаживали».

В 1648 г. башкирам законодательно запретили под страхом смертной казни нападать на калмыцкие улусы. Впрочем, при отсутствии какого-либо контроля за юго-восточной границей и башкирскими волостями Ногайской дороги указ этот фактически не исполнялся. В 1657 г. от Дайчина пришел посол в Уфу ногаец Янибек Идилбаев, который жаловался на башкир, нападавших на калмыков и отбивавших у них скот [20, с. 171]. В ходе посольского приема с наибольшей ясностью выразилась политика покрывать башкирские набеги вопреки очевидным фактам. Уфимский воевода А. Головин, убедившись, что у посла нет твердой уверенности, что именно башкиры совершили набег на улусы Дайчина, отвергнул даже возможность подобного, ссылаясь на крепкий запрет башкирцам нападать на калмыков под страхом смертной казни. Но калмыцкий посол не настаивал, прося лишь послать посла для урегулирования спорных вопросов. Однако очевидный ритуальный характер дипломатических отношений кардинально меняется в конце 50-х гг. XVII в. Военные успехи башкир в конце концов вынудили калмыцкого лидера Дайчина вновь обратиться к российским властям с предложением на сей раз настоящего подданства. Калмыки обещали в подтверждение своей шерти не только дать аманатов, от чего прежде категорически отказывались, но и начать военные действия против Крыма. Незадолго до этого дворянская конница России потерпела несколько сокрушительных поражений от польской кавалерии, и предложение калмык принять участие в войне казалось очень своевременным. Московское правительство создало особое калмыцкое отделение в рамках Посольского приказа [21, с. 198]. Это отделение возглавляли князь В.Г. Ромодановский и дьяк И.С. Горохов. В 1661 г. Горохов отправился к тайше Дайчину с единственной целью – добиться от калмыков обещания выступить против крымского хана [22, с. 221]. Дайчин заверил посла, что «теперь рады испол-

нить повеление великого государя, пошлем своих людей на Крым, а после большой воды пойду сам с детьми и племянниками, стану станом на Дону подле козачьих городков и буду промышлять над Крымом». Тайша обязался ограничить вольность своих подданных. Он заявил, что «всем своим улусным людям и татарам велит заказ учинить крепкий, чтобы никаких ссор и задоров с людьми великого государя не чинили». В обмен на военную помощь Дайчин добивался прекращения нападения на калмык российских подданных: «...от русских людей калмыкам лиха не было». Тайша особо указал: «...а злее всех башкирцы, всегда всякое зло калмыкам от башкирцев» [22, с. 224].

В условиях тяжелой войны с Польшей военная помощь калмыков сыграла важную роль в нейтрализации крымской угрозы. Калмыки честно выполнили свои обязательства перед российским правительством. Более того, Мончак предупредил Москву о контактах башкир с крымским ханом. Он узнал, что «хан намеревался принять их к себе и ходить с ними вместе под государевы города» [22, с. 227].

Российская администрация также выполнила условия соглашения с калмыками. Приказ Казанского дворца не только подтвердил указ 1648 г. о запрете башкирам нападать на калмыков, но и дал специальное задание уфимскому воеводе Ф.И. Сомову: «...про башкир сыскать всякими сысками накрепко, а все взятое ими у калмыков вернуть обратно. Пуших воров башкирцов казнить смертной казнью» [11, л. 145]. Для изъятия калмыцких пленных и захваченного башкирами скота в Уфе был сформирован отряд служилых людей во главе с сыном боярским А.И. Приклонским и толмачом В.И. Киржацким. Судя по огромному количеству челобитных башкир, деятельность этой команды сопровождалась невиданным прежде насилием и произволом. Предполагалось, что уфимские служилые люди в башкирских волостях займутся поиском калмыцких пленных и захваченного у калмыков имущества. На деле же Приклонский просто обложил башкир произвольной денежной данью за якобы захваченное ими у калмыков добро. В 1661 г. башкиры Ногайской дороги Минской волости «Утяшка Токмаметев с товарищи били челом, чтобы с них за лошадей, которые они отбили у калмаков денег править было не велено» [23, л. 235].

Наибольшие злоупотребления происходили при возвращении калмыцких пленных. Дело в том, что среди башкир была распространена экзогамия, запрещающая браки в пределах родоплеменной структуры. Иногда одно только это обстоятельство побуждало организовывать набеги на калмыцкие и казахские улусы для захвата невест. В ходе деятельности отряда Приклонского многие башкиры, женившиеся на калмычках, лишались не только жен, но и детей, прижитых от совместных браков [24, л. 26, 28, 31]. Приказ Казанского дворца был вынужден послать в Уфу

4 специальных указа об изъятии пленных калмыков и скота у самих А.И. Приклонского и В.И. Киржацкого [25, л. 254–256].

Массовое насильственное изъятие пленных калмыков стало одной из главных причин восстания 1662–1664 гг. В 1664 г. правительство заявило калмыкам, что башкирское восстание 1662–1664 гг. было результатом соглашения российского правительства с калмыками: «...уфимские башкиры за то, что у них взят полон и отдан вам тайшам Великому государю изменили и будучи в измене учинили русским людям многое разоренье» [20, с. 178]. В конечном счете башкиры добились от правительства права признания владения ясырем. Официально были отменены указы о возврате пленных калмыков. Не спрос на рабскую силу вынудил башкир поднять одно из самых крупных восстаний в своей истории. Запрет на захват пленных лишал башкирское племенное ополчение их главного оружия – ответного набега. Война между кочевниками

не предусматривает оборонительной тактики. Этим преимуществом обладают только оседлые народы, способные создавать укрепленные линии и мощное оборонительное оружие. В степной войне единственным сдерживающим фактором является страх перед ответным нападением, в ходе которого первостепенной задачей было не уничтожение людей и не захват территории, а пленение противника. Пленного можно обменять на своего. Эта особенность нашла свое отражение в обычаях баранты, которая совершалась с санкции третейского суда, что придавало ей форму законного возмездия [26, с. 221]. Поэтому указы о казни организаторов набегов и изъятии пленных нарушали правовые традиции кочевников, согласно которым верховная власть должна была предоставлять обиженному право отомстить обидчику. Насильственное изъятие ясыря означало делегитимизацию племенного ополчения, в чем башкиры вполне справедливо усмотрели попытку правительства ограничить право защищать себя.

Библиографический список

1. Руденко С.И. Башкиры : историко-этнографические очерки. – Уфа, 2006.
2. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV–XVI веков. Социально-политический аспект. – Уфа, 2009.
3. Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды. – Уфа, 1987.
4. Эренджен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. – Алма-Ата, 1990.
5. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. – Уфа, 2006.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 233. Печатный приказ. – Оп. 1. – Кн. 347.
7. РГАДА. – Ф. 233. Печатный приказ. – Оп. 1. – Кн. 355.
8. РГАДА. – Ф. 116. Посольский приказ. – Оп. 2. – Д. 1633.
9. РГАДА. – Ф. 233. Печатный приказ. – Оп. 1. – Кн. 671.
10. Научный архив ИИЯЛ УНЦ РАН. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 1.
11. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. – Новосибирск, 1988.
12. Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961.
13. Куц О.Ю. Цены на ясырь на Дону в конце 20 – начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное

- дело в России в XVI–XVIII вв. : материалы международной научной конференции. – СПб., 2001.
14. Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву. – М., 1902.
15. Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955.
16. Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М., 1976.
17. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История, расселение. – Уфа, 1974.
18. Дмитриев В.Д. Царские наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. – Вып. 3. – Чебоксары, 1974.
19. РГАДА. – Ф. 119. Калмыцкие дела. – Оп. 1. – Д. 84.
20. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 годов // Исторические записки. – Т. 24. – М. ; Л., 1947.
21. Вернадский Г.В. Московское царство. – М., 2000. – Т. 2.
22. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1961. – Т. 12.
23. РГАДА. – Ф. 233. Печатный приказ. – Кн. 61.
24. РГАДА. – Ф. 233. Печатный приказ. – Кн. 164.
25. РГАДА. – Ф. 233. Печатный приказ. – Кн. 172.
26. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. – Алматы, 1996.